

Воспоминания
о
Самуиле Яковлевиче
Маршаке

К 115-летию
со дня рождения

ВОРКУТА
2002

Воспоминания
о
Самуиле Яковлевиче
МАРШАКЕ

Е. М. Маршак

А. Л. Рейшахрит

Издано к 04 ноября 2002 года с разрешения
Президента благотворительного фонда имени
С.Я. Маршака – Александра Иммануэлевича
Маршака

© А.Л.Рейшахрит, подготовка
текста, издание

© А.П. Банин, компьютерная
графика, оформление

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе воспоминаний и не только	А.Л. Рейшахрит.....	5
Возле С.Я. Маршака	Е.М. Маршак.....	8
О Самуиле Яковлевиче Маршаке.....	А.Л. Рейшахрит.....	18
Маршак и Толстой	А.Л. Рейшахрит.....	30
Потрясение Пензы	А.Л. Рейшахрит.....	36

Переиздание брошюры «Воспоминаний» сопровождалось некоторой доработкой, которая выразилась в расширении брошюры: добавились два коротких сюжета, а также фотографии из семейного альбома.

Публикация воспоминаний моей матери, Евгении Моисеевны Маршак (1918-1986), предполагалась в ноябре 1987 года, к 100-летию со дня рождения писателя. Мать не успела до конца отшлифовать их, однако я не счёл возможным ни тогда, ни теперь редактировать её рукопись. В нескольких исключительных случаях я сделал односложные вставки, которые выделил квадратными скобками, чтобы не нарушать авторский текст.

Сегодня, готовя материалы к переизданию к 115-летию со дня рождения Самуила Яковлевича, я опять же не счёл возможным вносить какие бы то ни было поправки в рукопись.

При подготовке к публикации собственных воспоминаний мне не захотелось вносить даже минимальные коррективы, так что первоначальный текст, подготовленный ещё к ноябрю 1977 года – 90-летию со дня рождения С.Я. Маршака, – практически не изменён: лишь добавлены ещё две сноски, а в конце, после моих воспоминаний, дополнительно – три коротеньких зарисовки из воспоминаний самого Самуила Яковлевича, воспроизведённые по памяти из бесед с ним в последние годы его жизни.

Сегодня, осенью 2002 года, как и пять лет назад, я видел и вижу как бы взаимные повторы в воспоминаниях моей матери и моих, словно мы «подсматривали» друг у друга, – то, что научно называют «реминисценции». Могу заверить, что мы писали наши воспоминания совершенно независимо друг от друга. Думаю, что наличие чуть ли не дословных реминисценций попросту свидетельствует о том, сколь близки мы были с моей матерью как в восприятии одних и тех же событий, так и в особенностях памяти об этих событиях.

Публикуемыми здесь воспоминаниями не удалось заинтересовать ни один из журналов или издательств. Единственный раз, к 100-летию со дня рождения Самуила Яковлевича корреспондент Коми Республиканской газеты в Воркуте Валентина Майстренко после обстоятельной беседы со мной опубликовала юбилейный материал в газете «Красное Знамя» от 4 ноября 1987 года, где использовала фрагменты из моих воспоминаний, а также из воспоминаний моей матери.

А. Рейшахрит,
ноябрь 2002 года, Воркута

В 2-х летнем возрасте

С. Маршак - ученик
Петербургской гимназии.

Отец Я. М. Маршак

Мать Е. Б. Маршак
(ур. Гительсон)

Жена С. М. Маршак
(ур. Мильвидская)

С. Маршак, 1912 г.

ОБ АВТОРЕ ВОСПОМИНАНИЙ И НЕ ТОЛЬКО

А.Л. Рейшахрит

Моя мать, Евгения Моисеевна Маршак, была удивительная женщина. Была... В прошедшем времени для меня это звучит дико. Только что,¹⁾ в октябре 1986 года, она передавала со мной эти воспоминания в Москву, только что переслала моему двоюродному брату, Александру Иммануэлевичу Маршаку, длинный список исправлений и добавлений к этим воспоминаниям.

Только что начала она работать над переводом научной книги с немецкого... Смерть, несмотря на своё диалектическое единство с жизнью, плохо укладывается в сознание живых. Внезапная же кончина не укладывается никак.

Мать была химиком по профессии, в 1941 году они с отцом окончили химический факультет Ленинградского Университета. Она уехала по распределению на Березниковский химический комбинат, на Урал. Отец ушёл с ополчением на фронт. После войны, уже в Ленинграде, они оба защитили кандидатские диссертации, сначала мать, затем отец. В то время мы все трое жили в одной комнате в коммунальной квартире. Я засыпал под шёпот родителей, обсуждавших научные проблемы: мать рассказывала отцу о своих делах в лаборатории, играючи помогала ему переводить научные статьи. Она знала три языка – свободно говорила и читала на французском, английском и немецком.

Об этой квартире, в которой мы жили после войны, необходимо сказать отдельно. В квартире – на улице Рылеева (б. Спасской) угол улицы Восстания (б. Знаменской) – до войны жили: семья моего деда Моисея Яковлевича Маршака, – старшего брата Самуила Яковлевича, их младший брат Илья Яковлевич – впоследствии писатель М.Ильин, а также Елизавета Луарсабовна Андроникова, сестра литературоведа и писателя Ираклия Луарсабовича Андроникова. Вот с каких пор начиналась дружба Ираклия Луарсабовича с семьёй Маршаков.

После войны в квартире осталась наша сильно уменьшившаяся семья: дед умер в 1944 году от рака, его брат Илья Яковлевич ещё перед войной переехал с семьёй в Москву, Елизавета Луарсабовна после войны жила в другой квартире. Жилконтора «уплотнила» нас. С разрешения бабушки, Веры Яковлевны Маршак, сохранившей нашу квартиру в годы блокады, к нам

¹⁾ Эти строки впервые были написаны более 15 лет назад, к 100-летию со дня рождения С.Я. Маршака, когда в первый раз готовилась публикация её воспоминаний о С.Я. Маршаке.

поселили ещё несколько семей. Квартира стала коммунальной. У нас осталось две комнаты, в одной жила бабушка, вдова Моисея Яковлевича, в другой – мы трое (отец демобилизовался летом 1946 года).

Большую часть нашей комнаты занимал кабинетный беккеровский рояль. Мать часто играла на нём: для себя, иногда для меня, пытаясь развить мои способности к музыке (которые не проявились и по сей день), иной раз занималась с отцом, в молодости игравшем несложные вещи с листа, но тушевавшемся в её присутствии – разучился совсем за войну. Играла мама и для друзей, родственников – у нас частенько собирались многочисленные гости.

Я начал с того, что мать была женщиной удивительной. В самом деле, свободно владела тремя языками, играла на рояле, пела, и даже одно время – подумать только – училась пению профессионально. Теперь я уверен, что мать всегда стремилась к профессиональному овладению тем, чем бывала увлечена. Уже выйдя на пенсию, она вдруг пошла учиться в класс композиции в музыкальную школу – с детства она пыталась немного сочинять музыку. Поняв, что на поприще композиторства ей уже трудно достичь таких высот, которые могли бы удовлетворить её взыскательность, она постепенно переключилась на переводы.

Вначале был период поиска: она прикидывала, сможет ли переводить художественные произведения. Дело в том, что вскоре после её выхода на пенсию не стало её любимого двоюродного брата Иммануэля Самойловича Маршака – сына Самуила Яковлевича, – с которым она выросла.

Иммануэль Самойлович – Элик, как его звали в семье, – был физиком, доктором наук, лауреатом Государственной премии. Ещё при жизни Самуила Яковлевича и с его благословения он начал переводить романы Джейн Остин – английской писательницы конца XVIII – начала XIX века. После смерти своего отца, Иммануэль Самойлович, по-прежнему работая как физик, не только разобрал и систематизировал огромный архив отца, но и продолжал переводить Джейн Остин, стихотворения некоторых английских поэтов. Незадолго до своей кончины он переиздал переводы – два романа Джейн Остин, не забыв, однако, и о переиздании своей большой научной монографии.

Неуёмная жажда разнообразной полезной деятельности, характерная для всей семьи Маршаков, бушевала и мою мать.

Итак, она пыталась оценить, что же выбрать для перевода. Даже пробовала переводить небольшие фрагменты, то из английских детективов Агаты Кристи, то из французских романов Франсуазы Саган. Ей самой не особенно нравились эти пробы, к тому же она прекрасно понимала, что существуют маститые переводчики художественной литературы, ей за ними не угнаться. И вот тогда её выбор пал на научно-популярную литературу. Она с большим подъёмом переводит с немецкого книгу Клауса Гофмана «Можно ли сделать золото?» – увлекательный рассказ об истории алхимии и ядерной

физики. Книга вышла в Ленинградском отделении издательства «Химия» в 1984 году. Второе издание этого её перевода вышло в том же издательстве в 1987 году.

Воодушевлённая первой удачей, летом следующего года мать начала работать над новым переводом с немецкого – теперь уже чисто научной книги. Перевод этот, возможно, суждено закончить кому-то другому...

Не могу напоследок не сказать о педагогической работе моей матери. Больше двадцати лет она преподавала химию, сначала в одном из Высших военно-морских училищ, а затем, уже до самой пенсии, работала доцентом Ленинградского Технологического института им. Ленсовета. Курсанты, а потом и студенты, очень любили её. Знаю от некоторых из них, что слушать её лекции было большим удовольствием. Она никогда не излагала сухо свой предмет. Шутка, исторический анекдот, интересная подробность из истории научных открытий – всегда были обязательной «приправой» к её лекциям.

Не хочу быть голословным. Попробуйте прочесть эти воспоминания, а кроме того, при желании и перевод книги К. Гофмана «Можно ли сделать золото?». В этих оставшихся навечно жить частичках души моей матери, надеюсь, можно будет ощутить её способности и, тем самым, найти для себя подтверждение моим субъективным оценкам личности близкого мне человека.

20 января 1987 г.
г. Воркута

Впервые опубликовано в ноябре 1997 года

Подготовлено к переизданию в сентябре 2002 года.

ВОЗЛЕ С.Я. МАРШАКА

Е.М. Маршак

Говорят, что родителей не выбирают. Если бы можно было это делать, я выбрала бы именно своих мать и отца.

Моя мать, Вера Яковлевна Маршак (урождённая Шварц), была талантливым человеком. Музыкальная, с острым чувством слова, наделённая юмором, она собирала поговорки, народные песни, частушки. Когда в 20-х годах мы жили летом в Карелии (б. Олонецкой губернии) местные старушки пели ей песни, рассказывали о старинных обрядах. В своё время она мечтала поступить в театр, играть в оперетте: в этом стремлении была вся она, её искрящаяся жизнерадостность. Однако пришлось оставить эту мечту, по тем временам несбыточную. Её девизом было всегда: ни от кого не зависеть, иметь в руках надёжный кусок хлеба.

Ещё в гимназии мать подружилась с одноклассницей Сусанной, старшей сестрой Самуила Яковлевича Маршака, и близко сошлась с их семьей. Так на первые свои заработанные уроками деньги она пригласила в театр мать будущего писателя, Евгению Борисовну.

Вера Яковлевна была необычайной театралкой и нередко в юности ночи напролет простаивала в очередях за билетами в Мариинский театр. Как писал ей в шуточном письме Самуил Яковлевич:

*Утро. Дремлет медный Глинка
Господин без шапки....*

.....
*Вера, что нам в Мариинке!
Лучше понемножку
Ты ходи на вечеринки
С нами в Техноложку.
Горе, маленькая Вера
Только бровки хмурит.
Не имеет кавалера,
И сама дежурит.*

Нежная дружба связала Самуила Яковлевича с моей матерью еще до того, как в январе 1918 года она вышла замуж за его старшего брата, Моисея Яковлевича. К сожалению, почти все письма его, бережно ею сохранявшиеся,

пропали в блокаду. Могу лишь по памяти пытаться припомнить некоторые строчки из них, например, эпитафия к одному из писем:

Милой Мэри моей

А. Пушкин

Милой Вере моей

С. Маршак

или приглашение на дачу в Оллило (с обращением еще на Вы):

*Если б сёстры Вам позволили
Погостить у нас в Оллиле,
Вы бы спели мне «Окол месяца»,
От восторга мог бы я повеситься!*

Вот эта песня:

*Окол месяца звёзды частые,
Ой, лелюшеньки, звёзды частые.
Окол солнышка луны ясные,
Ой, лелюшеньки, луны ясные.
Как у Ванёчки кудри жёлтые,
Ой, лелюшеньки, кудри жёлтые.
По плечам лежат, словно жар горят,
Ой, лелюшеньки, словно жар горят.*

Отец мой, его братья и сестры были прирожденными актерами, нередко участвовали в любительских спектаклях. Сохранились фотографии, где Самуил Яковлевич снят в роли поварёнка, мой отец – монаха. Младший брат, Илья Яковлевич, прекрасно рисовал, изготавливал своими силами то, что теперь называется мультфильмами. В начале века мой дед, отец Самуила Яковлевича, работал мастером на мыловаренном заводе в Сяйнио, под Выборгом. Семья часто проводила лето в тех краях, наблюдая нравы и обычаи финнов. Самуил Яковлевич и мой отец уморительно показывали, как танцует старый финн, степенно, с невозмутимым лицом. Рассказывали [смеясь], как в программе концерта в Терийоках вместо «Смерть Озе» Грига значилось: «Смерть осла».

Около 1910 года Самуил Яковлевич писал из Финляндии моей матери:

*«Живу я в России среди скал финляндских,
сам я – потомок древних иудеев,
по убеждениям и вкусам – эллин; надо ещё добавить:
по образу жизни – эскимос».*

А позднее:

*«Уж ты, Верочка моя, самородочек,
очень круглый у тебя подбородочек»*
и заканчивал письмо так:
«Целую тебя... начиная от бровей и глаз,

*И кончая вторым подбородочком
И ещё раз назову самородочком».*

Самуил Яковлевич любил распевать подслушанные им народные песни, баллады, былины:

*«Что ж ты, молодец, не весел,
Беззаботный молодец?
Что ж ты голову повесил?
Али пуст твой гайманец?
Что ж ты, молодец,
Ай, да не ве?...»*

Помнится, именно это «да не ве» – ужасно нравилось Самуилу Яковлевичу.

А народная песня, записанная в своё время моей матерью «Сидела Катюшенька» вошла в окончательный вариант пьесы «Горя бояться – счастья не видать», известной еще в краснодарском варианте как «Горе – злосчастье»:

*Сидела Катюшенька
Поздним вечером одна.
Вышивала Катенька
Тонким шелком рукава.
Сватался к Катюшеньке
Первой гильдии купец.
Он давал обличицы
Полтораста кораблей.*

*Думаю – подумаю,)
Я за этого нейду.)* 2 раза

*.....
Сватался к Катюшеньке
Музыкантов музыкант,
Он давал обличицы
Свою скрипку да дуду.
Думаю – подумаю,)
Я за этого пойду.)* 2 раза

Ещё мать знала чудесную песню, которую также любил петь еще в дореволюционные годы Самуил Яковлевич: песню ссыльного «Вы подуйте-ка, буйны ветерочки» с её за душу берущей мелодией:

*Вы подуйте-ка, буйны ветерочки,
Со зелёного гая! 2 раза
Ты прибуди-ка, прибуди, мой разлюбезный,
Из далёкого края! 2 раза*

Я и рад был бы, милая, прибыти.

Очень край мой далёкой 2 раза
Очень край мой, душенька, далёкой,
Всё мохи, да всё болота. 2 раза
Всё мохи, да, душенька, болота,
Всё студёные воды. 2 раза

В этих двух последних строфах так и слышится глуховатый голос самого Самуила Яковлевича: любил он в добрую минуту обратиться к близким с этим «душенька».

Помню еще свадебную: «Разлилося, разлелеялосе», подслушанную где-то моей матерью:

Разлилося, разлелеялосе
По пугам да вода вешняя. 2 раза
Уж как и первый-то кораб унесло
Да с сандуками со дубовыми 2 раза

Как и второй-то кораб унесло
Со перинами со пуховыми. 2 раза
Уж как и третий-то кораб унесло
Со душой, со красной девицей. 2 раза

И какая чудесная, широкая, истинно русская мелодия!⁹⁾

А еще была колыбельная:
Плыла лебедь, плыла лебедь,
Плыла лебедь с лебедятами 2 раза
Со малыми, со малыми
Со малыми со утяттами. 2 раза
Плывши лебедь, плывши лебедь
Плывши лебедь встрепенулася, 2 раза
Под ней вода, под ней вода,
Под ней вода всколыхнулася. 2 раза

В начале 1918 года Самуил Яковлевич прожил несколько месяцев в Петрозаводске в семье старшего брата. Мать с любовью вспоминала, как ей приходилось заботиться о двух мужчинах сразу, двоим готовить обед и т.п. Самуил Яковлевич был очень неприхотлив в еде, не замечал, что именно он ел, но непременно хвалил. Мог сказать, например: «Спасибо, Верочка, очень вкусные были котлеты», хотя на обед была рыба. А брился по утрам не как все, перед зеркалом, а ходил по комнате и временами, проходя мимо, спрашивал: «Посмотри, а здесь я чисто выбрил?».

⁹⁾ Ноты, которые предполагалось приложить к этим воспоминаниям, так и не удалось найти. (примеч. А.Р., сына автора)

Потом были годы жизни в Краснодаре, обе семьи жили в одной квартире. Смутно припоминаю, как Самуил Яковлевич приехал откуда-то на открытой машине, посадил нас со своим сыном Эликом^{**)}, кликнул клич всей ребятне, толпившейся вокруг, они облепили машину и – поехали кататься!

В Краснодаре соседкой у нас была женщина, которую Самуил Яковлевич прозвал «пирог с зубами» за её крупные, торчащие вперёд зубы. Два ее взрослых сына, очень заботливых и преданных, спрашивают её как-то: «Куда, мамаша, Вы бы хотели пойти сегодня вечером, в театр или в кинематограф?» – «И в театр, и в кинематограф», был ответ.

Когда по-соседству стал вдруг жужжать мотор, старушка страшно перепугалась: «Ой. Это напор электричества, режьте провода, режьте провода!». [Все] эти выражения вошли у нас в поговорку.

В 1922 году мы вернулись в Петроград и поселились на улице Рылеева – родители мои, младший брат отца и сёстры. Самуил Яковлевич с семьёй жил в это время на Потёмкинской ул. д.5. Одна из комнат расположена была над подворотней, окна [его] квартиры смотрели на Таврический сад.

Я мало сказала об отце. Лучше, чем о нём написал его брат [Самуил Яковлевич] в книге «В начале жизни», и не скажешь. О нем надо писать в минуты, когда дождётся «душевного затишья», а такое приходит не часто.

Добрый и мягкий, талантливый и необычайно добросовестный – таким был отец. Он, несомненно, проявил бы себя как личность незаурядная, если бы с молодых лет не взял на себя заботу о младших братьях и сёстрах. Он был им одновременно старшим братом и отцом. С нами на ул. Рылеева жили Илья Яковлевич – позже писатель М. Ильин, закончивший Технологический институт, Лия Яковлевна, ставшая писательницей Еленой Ильиной, – в то время студентка Института Истории Искусств, Юдифь Яковлевна, учившаяся в консерватории. Моя мать вела хозяйство; все приходили и уходили в разное время дня, забегали друзья – студенты, которые были пригеты и накормлены, как в родном доме. Заботу моих родителей постоянно чувствовала и семья Самуила Яковлевича, не сразу вставшая на ноги. Близкие вспоминают, как отец продал свою золотую медаль, полученную по окончании гимназии, чтобы купить дрова для семьи брата.

Мой отец окончил Петербургский Политехнический институт и работал как крупный экономист [он имел учёную степень кандидата экономических наук] в лесной, а затем бумажной промышленности. Помню, как он брал сверхурочную работу, постоянно ездил в командировки, чтобы близкие были всем обеспечены. А скромная моя мать, нетребовательная к условиям существования и неприхотливая в одежде, всячески старалась украсить всем жизнь. В ней сочетались отзывчивость и строгость суждений, цельность. Как

^{**) Иммануэль Самойлович Маршак (1917-1977), доктор технических наук, лауреат Государственной премии и Международной премии Дюпона, член секции переводчиков Союза писателей СССР. [Здесь и далее – примеч. автора]}

она ненавидела зависть! «Я не терплю само слово зави-и-идую» – говаривала она; это слово было изгнано из семейного лексикона. Как-то И.Л. Андроников очень метко сказал, что и ревность – это тоже зависть к кому-то.

Бывали у нас дома в те годы мастер художественного слова Антон Шварц, его двоюродный брат, будущий писатель Евгений Шварц, писательница Тамара Григорьевна Габбе, сокурсница по институту младшей сестры отца, И.Л. Андроников, Виталий Бианки.

Самуил Яковлевич умел видеть в жизни праздник, а главное – сам создавать его. В начале 20-х годов собирается у нас, бывало, молодежь, сокурсники [его] младшего брата и сестёр. Начинается веселье – шарады, инсценировки. Вот зоопарк – каждый изображает какое-то животное. Туся Габбе одета в полосатую кофточку. «Посмотрите, какая зебра», – восклицает Самуил Яковлевич. После чаепития – новая инсценировка – картинная галерея. Моя мама, пышущая здоровьем молодая женщина – Рубенс. «Взгляните, это Рубенс!» Разыгрывались сценки, хотя бы на тему городского ромansa, где были такие слова: «Отдай мою ты карточку, возьми свою любовь! Ты скушал мое сердце и выпил мою кровь». Исполнялись песни, например:

*Захожу я в залу, да сидаю за стол,
Сымаю я шляпу, да кидаю на пол.
Я её спрашую, што ты будешь пить?
А она говорит: Голова болыть.
Я тебе не спрашую, што в тебе болыть,
А тебе я спрашую, што ты будешь пить?
Пильзенское пиво, самогон - вино,
Душистую фиялку, али ничего?*

Или любимая Самуила Яковлевича:

*Равзе нищие не пляшут,
Равзе песен не поют,
Равзе по миру не ходют,
Равзе им не подают?*

А раз была шутка, всерьёз обидевшая нашу молоденькую соседку, преподавательницу французского языка. В семье отмечалось событие – Илья Яковлевич окончил Технологический институт. Придумали розыгрыш: один из его друзей, смуглый, заросший бородой, должен был изображать индуса, не знающего ни одного русского слова. За стол рядом с ним посадили соседку, попросив её развлекать «индуса», обряженного в белую чалму. Она тщетно пыталась завязать с ним беседу на французском языке. Позднее выяснилось, что по-французски он знал всего два-три слова. Мы с Эликом сидели за маленьким столиком в стороне и во все глаза разглядывали «индуса».

Я не смогла узнать, чем закончился розыгрыш в тот вечер: нас послали спать. На следующее утро и мама, как хозяйка дома, и виновник торжества

буквально умоляли соседку простить их – она была обижена не на шутку и далеко не сразу сменила гнев на милость.

Благодаря участию Самуила Яковлевича, каждый день моего рождения превращался в яркий праздник. Вот начинают приходить мои маленькие друзья. Самуил Яковлевич выстраивает их, и под аккомпанемент Юдифи Яковлевны, [усаживающейся за рояль], они маршируют по комнате. Вскоре внимание всех переключается на шарады. Затем разыгрывается целая история о мальчике, потерявшемся во время путешествия на корабле. Самуил Яковлевич на ходу импровизирует сюжет, выхватывая действующих лиц из числа зрителей.

Уже перед своим переездом в Москву в конце 1938 года Самуил Яковлевич вновь был режиссёром шарад у нас на ул. Рылеева («на Спасской»). Собрались мои сокурсники – химики из Университета. Была такая сценка: приходит Самуил Яковлевич в магазин с жалобой – ему продали разные галоши: одна 43-го размера, другая – детская; он возмущенно потрясает этой парой и требует её обмена. Продавщица уверяет, что галоши совсем одинаковые, надо только снять очки, чтобы это заметить.

Играя в каждой такой сценке или импровизируя её, Самуил Яковлевич искренне радуется, забавляется, как ребёнок, и от этого всем ещё веселее.

Эту черту его – детское непосредственное восприятие мира, знали многие. Летом 1963 года в Ялте я [ему] заметила, что порой он мне кажется ребёнком; он ответил задумчиво: «Верно, мне семьдесят шестой годик...»

Хотелось бы упомянуть ещё об одном члене нашей семьи, о тёте Дуне, Евдокии Александровне Антроповой. В 1903 году, шестнадцать лет вошла она в семью Маршаков как помощница бабушки, Евгении Борисовны, и очень скоро стала приятельницей детей. Кроме двух старших братьев – моего отца и Самуила Яковлевича – она со всеми была на «ты». В годы гражданской войны она стала красной партизанкой, санитаркой, но по своей милой безалаберности никаких документов на этот счёт не сохранила.

В семье Маршаков она научилась грамоте. Чтение стало её страстью: читала она ночами, запоем, без разбора, как сентиментальные романы Евгения Марлит, так и прозу классиков. В самых патетических местах она восклицала: «Авой беда, мерзавец! Авой беда, негодяй!» Если еда пригорала, то было ясно: тетя Дуня начала читать очередной роман. «Как-то, – рассказывала она, – подаю я Моисею Яковлевичу второе. Он попробовал: Дунечка, пахнет керосином. «Не может быть, ешьте, не капризничайте! – А потом попробовала сама – авой беда, голый керосин!»

С 1922 года в Петрограде тетя Дуня стала жить в нашей семье, поначалу помогая и в семье Самуила Яковлевича. Всё, что пеклось вкусного на Спасской, посылалось и на Потёмкинскую. Самуил Яковлевич часто читал Евдокии Александровне свои стихи, спрашивая, какой из вариантов лучше, но она очень смущалась: «И так, и эдак хорошо».

Родом тетя Дуня была из Олонецкой губернии, с севера Онежского озера. Речь её пестрила самобытными выражениями. Идёт, например,

девушка в широком платье - «как муха в парусе». Колбаса у расчётливой хозяйки на блюде разложена так, что «кусок от куска перевозу просит».

После войны Евдокия Александровна часто жила в Москве – то в семье сына Самуила Яковлевича, то в семье младшей сестры, у которой тяжело болел муж. «Меня бросают на прорыв», – говаривала она. Скончалась она семидесяти лет от скоротечной формы туберкулёза. В последнем письме она писала: «Так тяжело, что не знаю, как и дожить до смерти». И всё просила прислать побольше книг...

В конце 1924 года Самуил Яковлевич с Потёмкинской улицы перебрался в более просторную квартиру на ул. Пестеля, 14. Сейчас на этом доме под окном бывшей спальни установлена мемориальная доска. Там, 30-го января 1925 года родился младший сын Самуила Яковлевича – Яков, которому суждено было дожить лишь до 21 года.

Общение между семьями было по-прежнему самое оживлённое. Летом жили рядом на даче в Токсово, позднее, с 1932 года – в Кавголово^{*)}

Как-то летом 1933 года Самуил Яковлевич пригласил меня и отца поехать с ним на машине в Кавголово. Дорога была глинистая, скользкая, на каком-то пригорке пришлось мужчинам выйти из буксовавшей «эмки» и толкать её. Когда все снова уселись, Самуил Яковлевич поинтересовался, какова мощность машины? Оказалось 13 л.с. «Ну вот, машину толкали 13 лошадиных сил и 3 ослиных».

Появился на проселке какой-то мужичок на телеге. Писатель высунулся и приветствовал его по-фински (он очень гордился умением объясняться с местными финнами) – «Чавой-то?» – спросил тот.

Раз в неделю на дачу привозил сметану и творог молочник – финн по фамилии Вежа. «Вот он – вежа, – шутил Самуил Яковлевич, – а остальные невежи». Кстати, творога он не любил: «Творог существует для омрачения вкуса сметаны».

Когда писатель позволял себе редкий день отдыха в Кавголово, он непременно участвовал в наших литературных играх и конечно всегда удерживал в них первенство. Играл он с живейшим, юношеским интересом, попутно сообщая нам много ценного^{**)} «Милое Кавголово», – вспоминал он позднее, приехав в Ленинград в 1957 году. Стоял декабрь, ни времени, ни сил съездить в Кавголово у него уже не было.

Году в 1933 Самуил Яковлевич пригласил меня в Капеллу на концерт И.В. Ильинского. В программе были «Старосветские помещики». Читал Игорь Владимирович чудесно и, что тогда поразило меня, девочконку, – в финале на глазах у него блеснули слезы.

^{*)} Стандартный поселок № 1, у станции, дача № 14.

^{**) Например, что яснополянские крестьяне называли Л.Н.Толстого: «Лев Толстой, чёрт простой».}

В антракте Самуил Яковлевич ходил под руку с Розалией Ивановной, она только-только вошла в его семью как секретарь – и всем знакомым представлял её: «Моя двоюродная сестра, Розалия Ивановна», а у самого в глазах сверкали озорные мальчишеские огоньки.

Уже после войны, в Москве, тоже в театре в антракте он знакомил друзей со всеми родственниками: «Моя сестра – писательница, моя сестра – музыкантша, моя племянница – химик». Не хотел он, чтобы мы представляли только в отражённом им свете.

Очень любил он в молодые годы созорничать. Купил как-то веник около бани на Бассейной (ул. Некрасова), потом надо было ехать на трамвае. Что делать с веником? Решил подарить кондуктору.

О его рассеянности и эксцентричности рассказывали многие и многое, и рассказы эти обросли обширным фольклором. Скажу лишь одно: ни в одной своей выдумке он никогда не «якал» и никого не унижал.

В декабре 1957 года в честь своего 70-летия он был приглашен в Ленинград. На вечере в Доме писателя им. В.В. Маяковского много говорилось доброго. Самуил Яковлевич сидел усталый на сцене в кресле и согласно кивал в ответ на речи, хотя, видимо, не всё слышал. Один из выступавших рассказал, будто бы Самуил Яковлевич остановил как-то трамвай [сказав – «Я – Маршак!]. Позже писатель возмущённо восклицал: «Никогда я этого не делал!» Прозвучало записанное на пленку выступление Е.Шварца: «Ты был моим первым редактором, а это – как первая любовь, это не забывается». За три дня декабря он посетил всех своих друзей: художника В.В. Лебедева, смертельно больного Евгения Шварца, А.И. Пантелеева, семью Владимировых. К нему в гостиницу приехал М.М.Зощенко, подтянутый, как-то старающийся быть незаметным, была Ольга Берггольц; встречался он и с молодыми ленинградскими поэтами. Объяехал Самуил Яковлевич свои любимые места, площади, памятники. Постоял у Медного всадника. Возможно, чувствовал, что вряд ли доведётся ему ещё раз побывать в Ленинграде.

На эти дни Самуилу Яковлевичу был предоставлен номер в «Европейской». Ночами у него дежурила медсестра – он только-только оправился после болезни, а днем мне посчастливилось проводить с ним много часов. Он показывал свои новые стихи («Как весело сегодня гулять тебе, Луна» – о первых спутниках; эпиграммы), некоторые из них попросил прочесть вслух. Никогда не была я хорошим чтецом и заколебалась. «Ты прекрасно читаешь!» – воскликнул Самуил Яковлевич. Это было как внушение, которое «вдохновило» меня.

Да, он был великим знатоком человеческой души и крайне бережно относился к людям. Как пишет в своих воспоминаниях Василий Субботин: «В любой спешке не мог огорчить человека невнимательностью». В последний вечер в номере в «Европейской» чередовались друзья. Пришла и Вера Павловна Павлова, которая многие годы жила в семье и помогала по хозяйству. Она принесла ему бутерброды в дорогу, такие, какие должны быть, ему всегда давала покойная Софья Михайловна, его жена. Перед отъездом Самуил Яковлевич ещё раз подошел к ней, нашёл какие-то особенные,

теплые слова. Уезжал он в Москву радостный и утомленный. Провожавшие его писатели забыли отдать ему железнодорожный билет. На следующее утро он звонил [мне] из Москвы и с юмором рассказывал, как его чуть не выдворили из «Стрелы». И со своим поразительным умением быть благодарным, добавил: «Мне теперь будет трудно без тебя».

Самуила Яковлевича отличала необычайная верность друзьям. Он всю жизнь трогательно привязан был к Екатерине Павловне Пешковой, пестовавшей его ещё в гимназические годы во время пребывания его в Ялте в семье Алексея Максимовича.

Любил он вспоминать А.М. Горького, поездку свою к нему на Капри в 1933 году. Как долго не мог уснуть во Флоренции из-за того, что под окном двое полицейских громко переговаривались. Он не выдержал, высунулся в окно и сказал сердито: «Перестаньте разговаривать, вы мне мешаете dormire^{*)}». Как ни странно, полицейские поняли и замолчали.

Характерен для него был интерес к людям, жадность какая-то на людей. И удивительная детская доверчивость порой. Вместе с тем он мог быть и резким. Как отчитал он какого-то графомана, навязывающего ему свою рукопись! Гораздо чаще не мог отказать во внимании людям, совершенно того не стоившим. Обманывался, восклицал: «Вот мерзавец!» и вновь становился жертвой следующего назойливого просителя.

В августовские дни 1963 года в Ялтинском Доме творчества я имела редкое счастье две недели прожить бок о бок с Самуилом Яковлевичем. С самого утра, только встав с постели, он садился за письменный стол, и тогда уж завтракать его было не дозваться. Он мог схватить томик Блейка и шлифовать переводы из него, или английские детские народные песенки, либо заканчивать статью о молодых поэтах. «Нужно держать одновременно несколько утюгов на огне», – любил он повторять.

Интересно было наблюдать, как он разговаривал с детьми: к каждому ребенку относился, как к личности. На книгах, подаренных детям, он часто писал: «С уважением и любовью». В Ялте на пляже, куда он вечерами ездил, чтобы подышать целебным воздухом, он подозвал девочку лет пяти, попросил её рассказать сказку. Та рассказывает про «Красную Шапочку». Самуил Яковлевич начинает хохотать. Оказывается, Красная Шапочка спросила Волка: «Почему у тебя такой большой нос?» – А Волк отвечает: «Чтобы удобнее было сморкаться».

Несмотря на свою любовь к народным песням, Самуил Яковлевич не очень хотел, чтобы его стихи перекладывались на музыку. Он считал, что «стихи – это стихи, а музыка – это музыка» и объединять их не следует. Однако он признал музыку Д.Б. Кабалевского на переведённые им «Сонеты» В.Шекспира. «В этой музыке есть что-то от Мусоргского».

К концу жизни писатель часто и тяжело болел. Младшая сестра [его] вспоминала, как в больницу, едва ему становилось чуть легче, она, вопреки запретам врачей, давала ему перо и бумагу. Он с жадностью хватался за

^{*)} dormire – спать (итал.)

работу и только нечеловеческое напряжение и непомерная его требовательность к себе могли быстрее вернуть ему силы, привязать к земле. Слова К.И. Чуковского о И.Е. Репине можно было бы в полной мере отнести и к нему: «Порою мне казалось, что не только старость, но и самую смерть он побеждает своей страстью к искусству»^{*)}

1986 г., Ленинград

О САМУИЛЕ ЯКОВЛЕВИЧЕ МАРШАКЕ

А.Л. Рейшахрит

На детских стихах Самуила Яковлевича Маршака выросло не одно поколение современных людей. Подобно другим детям я хорошо знал его стихи. Они были простыми и ясными, и мне, ребёнку, казалось, что написать такие стихи так же просто, как и читать их.

Дети до определённого возраста редко задумываются, жив ли их любимый поэт или писатель. Тем более, что чаще всего, знакомясь с произведениями Пушкина, Андерсена, Маяковского, которые жили когда-то, дети приходят к выводу, что все писатели, по-видимому, жили когда-то.

Волею судьбы для меня в детстве имя Маршака было связано не только с книгами стихов и пьес. Это был в то время единственный писатель, о котором мне было доподлинно известно, что он жив, живёт в Москве, и что с ним даже можно увидеться или, во всяком случае, поговорить по телефону. Я всякий раз обмирал, когда, разговаривая с Москвой, моя мать – его племянница – передавала мне трубку. Мы жили в Ленинграде, и я тогда уже, 5-ти – 6-летним ребёнком, понимал, как невероятно занят Самуил Яковлевич, и от одного этого мне делалось неловко. На другом конце провода еле слышно (телефон в послевоенные годы работал скверно) раздавалось: «Здравствуй, милый! Скажи, милый, ты интересно живёшь? Много читаешь? Это очень важно, голубчик! И ещё, не забывай о том, что я Вас всех очень

^{*)} К. Чуковский «Современники». - М., 1967.- с. 567.

люблю!» Мне делалось совсем неловко, я едва мог что-либо внятное ответить, а после разговора становилось удивительно хорошо.

До сих пор я не перестаю поражаться, как в невероятно коротком разговоре Маршак умел передать самое главное, существенное. И в более поздние, зрелые годы встречи, разговоры, любое общение с Самуилом Яковлевичем производило необыкновенное действие: появлялся прилив сил, хотелось многое сделать и сделать, как следует.

Это было летом шестьдесят второго года в Крыму, на даче Тессели, близ Фороса. Сын Самуила Яковлевича¹⁾, улетающий следующим утром в Москву, должен был передать в издательство скомпонованный двухтомник переводов из Роберта Бёрнса²⁾. Подборка стихов была уже сделана, но Самуил Яковлевич, придирчивый и требовательный к себе не меньше, чем к другим, хотел ещё раз проверить, все ли ладно.

Был вечер. Балконная дверь, распахнутая к морю, в чёрную южную ночь, не приносила свежести после дневной жары. Уставший после напряжённого рабочего дня, страдавший уже к этому времени ухудшением зрения, Самуил Яковлевич спросил: «Не хочешь ли, милый, мне немного помочь?». Я охотно согласился, и Самуил Яковлевич, откинувшись в кресле, обратился в слух. Я читал подряд стихи Бёрнса, а он пояснял мне, чем близки те или иные стихотворения, поставленные им в сборнике рядом. Иногда он перекладывал некоторые из них и опять пояснял, почему именно в таком расположении стихи должны лучше восприниматься. Излишне говорить, насколько интересным и захватывающим было для меня наше занятие. Я вошёл во вкус и, незаметно для себя, оттенил голосом иронию, скрытую в одной из строф. Самуил Яковлевич со свойственной ему щедростью тут же экспансивно похвалил меня за прекрасное чтение стихов. Это вряд ли было особенно прекрасно, но я был окрылён и продолжал чтение с энтузиазмом. Мы успешно и достаточно быстро закончили работу.

Самуил Яковлевич был очень интересным собеседником. Он любил рассказывать, вспоминать, говорить о литературе русской и зарубежной, прошлых веков и современной... Но он не только любил и умел рассказывать, он охотно давал советы и, наконец, что очень важно, – умел внимательно слушать. Стоило обратиться к нему с вопросом о каком-либо произведении искусства или даже просто по житейскому поводу, как тотчас его живой и

¹⁾ Иммануэль Самойлович Маршак (1917-1977) – доктор технических наук, известный разработчик импульсных источников света, в частности ламп «Сириус», в свое время освещавших площадь трех вокзалов в Москве – одна лампа прекрасно освещала всю площадь. Авиаторы до сих пор называют импульсные лампы, укрепленные на фюзеляже самолетов гражданской авиации, «лампочками Маршака». Вместе с тем, И.С. Маршак известен и как член секции переводчиков Союза писателей СССР, автор художественных переводов двух романов Джейн Остин, английской писательницы XVIII – начала XIX века.

²⁾ Роберт Бёрнс в переводах С. Маршака. Избранное в двух книгах. - М.- СПб., 1963.

острый взгляд устремлялся на собеседника. «Видите ли, голубчик!» – выдыхал он скороговоркой, резко поворачиваясь всем телом от нетерпения высказать свою мысль. И тут же просто, в двух-трёх фразах, крайне доброжелательно давал глубокие и точные советы. Это не были советы всезнающего мудреца: Маршак не просто многое знал, много повидал на своём веку. Он быстро и точно понимал суть вопроса, его оттенки, безошибочно чувствовал настроение собеседника. Настоящий талант собеседника – довольно редкий дар – был одной из сторон таланта Маршака.

При всей доброжелательности и мягкости Маршак всегда имел смелость сказать истинную правду, прямо указать на слабость или бесталанность.

Летом шестьдесят третьего года в Ялте к Самуилу Яковлевичу в Дом творчества пришел молодой человек с женой. Он попросил послушать свою сказку о кошке, написанную, как он сказал, для детей. Я не могу теперь вспомнить ни сюжета, ни содержания сказки. Помню только, как Самуил Яковлевич постепенно мрачнел, хмурился и опускал голову. К счастью, сказка оказалась короткой. Жена молодого человека сидела, как на иголках, по-видимому, чувствуя, куда клонится дело, и переживая за своего спутника. «Видите ли, голубчик, – сказал Маршак, когда автор кончил читать, – вымысел в сказке должен сочетаться с очень точными наблюдениями, иначе Вам никто не поверит, тем более – дети. Знаете ли Вы, что кошки всегда падают на все четыре лапы сразу, а у Вас что? Это же никуда не годится!». Обиженный автор и огорчённая жена удалились, сдержанно поблагодарив за критику. Самуил Яковлевич видимым образом расстроился, но и ответить иначе он не мог.

Вместе с тем, Маршак умел вовремя подбодрить, поддержать человека; это очень помогало при совместной работе. Известно, что многие его ученики после разговора с ним уходили в приподнятом настроении, словно окрылённые.

Настоящий талант далёк от узкого профессионализма. С.Я. Маршак любил, хорошо знал и ценил народные песни шотландские, английские, русские, еврейские, финские. В семье вспоминают, как в молодости вместе со своим братом Ильей Яковлевичем³⁾ он представлял в лицах исполнение финских и еврейских песен, колоритно и точно оттеняя национальные особенности.

Любовь к народным песням Маршак сохранил до конца жизни. Летом шестьдесят третьего года в Ялте как-то под вечер у Самуила Яковлевича собралась небольшая компания друзей и родственников. Разговор коснулся переведённых им английских и шотландских песен. Самуил Яковлевич оживился, вспомнил мелодии, ему стала подпевать сестра Лия Яковлевна⁴⁾.

³⁾ Впоследствии писатель М. Ильин (1895-1953)

Сначала они пели на английском языке, затем тут же – на русском. Пожалуй, именно при таком исполнении особенно ясно можно было почувствовать конгениальность его переводов.

Маршак был тонким ценителем классической музыки и исполнительского мастерства. Однажды, когда речь зашла об исполнении классической музыки, он сказал: «Когда медная труба пытается играть нежно – это так трогательно!».

В жизни и в искусстве Маршаку не были свойственны парадность, поза и вообще любая мишура. Именно эта цельность души позволила ему до глубокой старости сохранить искреннее, чистое, почти детское восприятие; это же очищало тех, кто общался, беседовал с ним. Часто, читая свои стихи или переводы с астматическим присвистом, он начинал совершенно задышаться от смеха, дойдя до места, двадцать раз читанного, но по-прежнему невероятно смешного для него, автора.

В документальном фильме о С.Я. Маршаке (кажется 1958 года) есть такой эпизод. Маршак, сидя среди детей, слушает в исполнении И.В. Ильинского стихотворение «Поросята». Зная, что может попасть в кадр, он всеми силами старается не смеяться. Но вот Ильинский произносит:

– «И, если сказать не умеешь «хрю-хрю», – визжи, не стесняясь: «И-и!»», и мы видим, как Маршак, уже более не в силах сдержаться, хохочет и аплодирует чтецу вместе со всеми.

Часто, говоря о скромности человека, имеют в виду его тихий нрав, внешнюю застенчивость. Я полагаю, что в действительности скромность в другом: она опирается на уважение к личности и профессии окружающих нас людей. Хорошо известно, что Самуил Яковлевич всегда по-взрослому уважительно разговаривал с детьми, ценя и щадя развивающуюся личность ребенка. Или, например, я не помню, чтобы, представляя родных гостям или знакомым, Маршак не назвал бы их профессии: «Мой сын – физик ¹⁾, моя сестра – литератор²⁾»...

В связи с этим приходит на память и такой случай. Летом шестьдесят третьего года в Ялте обитатели Дома творчества упросили Самуила Яковлевича устроить что-то вроде небольшого авторского вечера. После некоторого колебания он согласился. Вечер проходил в холле третьего этажа. Маршак сидел за небольшим столом лицом к широкой мраморной лестнице и читал стихи. Слушатели, человек двадцать-тридцать, разместились в мягких креслах и на диванах вдоль стен. Прочитав с десяток стихотворений, Маршак поднял голову. По лестнице поднимался поэт Светлов, которого Самуил Яковлевич очень любил. Прервав чтение, Маршак улыбнулся: «А вот поэт – Михаил Аркадьевич Светлов!» – и захлопал в ладоши. Слушатели поддержали его аплодисментами, приветствуя вошедшего поэта. Поклонившись и не желая мешать собравшимся, Светлов боком двинулся к колонне, расположенной у края при входе на площадку: «Что Вы, что Вы,

¹⁾ Писательница Елена Ильина (1901-1964)

продолжайте, пожалуйста!» – и быстро протиснулся за колонной в коридор. Конечно, я знал, что здесь было не просто взаимное уважение, но и взаимная любовь. И все же, те простые и естественные знаки внимания, которыми не постеснялись публично обменяться поэты, заставили меня, на фоне этой сцены, задуматься о проявлениях истинной человеческой скромности.

Вспоминая о Самуиле Яковлевиче, невозможно не упомянуть о его семье. Их было шестеро – три брата и три сестры. Отец их, талантливый человек необычайного трудолюбия, днями пропадал на заводе, но никогда не оставлял на мать занятия детьми. Все свое свободное время он посвящал детям, их образованию. Мать Самуила Яковлевича была человеком разносторонних интересов и талантов с удивительно мягким и добрым характером.

Дома постоянно устраивались импровизированные представления, игры, в которых участвовала вся семья.

В занятиях с детьми родителям помогали старшие, опекая младших; особенно трогательной была забота братьев о сёстрах.

Такая атмосфера трудолюбия, дружбы, взаимной теплоты и поддержки талантов не могла не повлиять на характеры и судьбы детей. Не случайно в этом поколении из семьи вышло три писателя: кроме Самуила Яковлевича – его младшие брат и сестра^{3,4)}. В эти старые, добрые семейные традиции уходит корнями и то, что до сих пор сильно разветвлённая и разбросанная по свету семья Маршаков всегда собирается вместе в трудные минуты.

x x x

Люди творческого труда работают постоянно, где бы они ни находились. Это приходит на ум, когда вспоминаешь стиль работы Самуила Яковлевича Маршака, его целенаправленную и неутомимую творческую деятельность.

В своих воспоминаниях о С.Я. Маршаке К.И. Чуковский писал: «Мастерство такое, что не видать мастерства»⁵⁾. Однако, не так просто, как кажется на первый взгляд, представить себе, каким образом достигалось это мастерство, каким тяжёлым трудом, точно названным И.А. Кассирским подвижничеством, подвигом⁶⁾, давалась та стихотворная, музыкальная, ритмическая лёгкость и законченность, которая неразрывно связана для нас с произведениями Маршака.

Маршак работал невероятно много, сосредоточенно, нарушая все режимы питания и сна. Порой казалось, что Самуила Яковлевича мирская пища не интересует вовсе, что он жив работой и беседами. Никакое позднее время не могло заставить его прервать работу. Даже во время болезни, прикованный к постели, Самуил Яковлевич начинал работать сразу, как только чувствовал малейшее улучшение. Его сестра Лия Яковлевна ⁴⁾

⁵⁾ «Я думал, чувствовал, я жил». – Воспоминания о С.Я. Маршаке. –М.-СП, 1971.- 101 с.

⁶⁾ Там же, стр. 483, 484

вспоминала, что, находясь в больнице, он начинал выпрашивать у неё бумагу и авторучку, едва ощутив первые признаки улучшения после очередной пневмонии; она не противилась его просьбам, и работа неизменно ускоряла его выздоровление.

Очень часто Маршак продолжал работать над своими произведениями и после того, как они попадали на стол редакции, и даже в типографию. Бывало так, что уже при считывании вёрстки Маршак целиком заменял строки, строфы и чуть ли не целые стихотворения на новые, более совершенные варианты, и очень сердился, что приходилось упрашивать переделать набор. «Нет, голубчик, прежний вариант оставить невозможно, он никуда не годится!» – говорил он в телефон, с трудом сдерживая досаду. Наконец, после долгого разговора Самуил Яковлевич, все ещё расстроенный, клал трубку и устало произносил: «Как будто бы удалось уговорить».

Маршак вообще очень неохотно выпускал свои произведения из рук, постоянно беспокоясь об их судьбе в редакции, а главное – он считал, что стихотворение всегда можно улучшить, доработать, пусть даже оно и отправлено в печать.

В законченности произведений С.Я. Маршака можно убедиться на примере как его детских стихов, так и переводов, лирики, пьес. Одним из интересных, по-моему, проявлений такой законченности является афористичность его детских стихов. В результате в русском языке появилось много поговориц, поговорок, присказок.

Вот некоторые из них:

- *Рвать цветы легко и просто детям маленького роста.*
- *Разевает щука рот, а не слышно, что поёт.*
- *Бегемот разинул рот, булки просит бегемот.*
- *Вот какой рассеянный с улицы Бассейной.*
- *Это что за остановка – Бологое или Поповка?*
- *Это он, это он – ленинградский почтальон.*
- *Ничего идут дела, голова ещё цела.*
- *Ищет в печке, и в ведре, и в собачьей конуре.*
- *Что ни делает дурак, всё он делает не так.*
- *Что касается бритья – брился папа, а не я!*
- *Не учи молчать другого, а молчи побольше сам!*
- *Тебе, дорогой, оттого не ложится, что слишком легка у тебя гслова!*

А вот и совершенно плакатное двустушище:

*Пусть помнит каждый гражданин,
Пожарный номер: ноль-один!*

Эти и многие другие поговорки и присказки пришли в наш лексикон из хорошо известных стихотворений Самуила Яковлевича Маршака: Детки в клетке (1923), Сказка о глупом мышонке (1923), Веселая азбука (1939), Вот какой рассеянный (1930), Почта (1927), Волк и лиса (1935), Книжка про книжки (1924), Дураки (1924), Хороший день (1940), Угомон (1958), Ванька-встанька (1937), Пожар (1952).

Достаточно взглянуть на годы написания стихов, чтобы ещё раз убедиться, как давно бытуют у нас эти поговорки.

Получилось так, что я оказался одним из очевидцев создания целого ряда четверостиший, которые легли затем в основу книги «Лирические эпиграммы»⁷⁾, последнего сборника, сданного в редакцию самим поэтом. Сборник увидел свет уже после смерти Самуила Яковлевича.

Этот маленький сборник вместил в себя мудрость житейскую, преломлённую в сознании поэта. В самом деле, когда ваш «досуг... просторен и тих», откройте его и почти наверняка вы найдёте строчки, созвучные вашему настроению и раздумьям. Более того, быть может окажется, что наиболее точное выражение ваших мыслей заключено именно в лирических строчках сборника⁸⁾.

Я хочу вернуться к тем временам, когда сборник «Лирические эпиграммы» ещё не был готов, когда стихи, вошедшие затем в него, ещё продолжали рождаться. Для меня многие четверостишья сборника были как бы составной частью тех бесед, которые вёл с нами Самуил Яковлевич тёплыми летними вечерами шестьдесят второго и шестьдесят третьего годов в Ялтинском Доме творчества.

Большинство стихотворений Маршак переделывал по много раз, объясняя, что четверостишье, являясь самостоятельным стихотворением, обязано отличаться законченностью. Притом, в силу краткости – быть лаконичным, с максимальной смысловой и поэтической нагрузкой на каждое слово. Самуил Яковлевич читал нам различные варианты, перечитывал, сопоставлял, выбирал лучшие, как бы вовлекая слушающих в процесс творчества.

В течение нескольких вечерних бесед подряд Самуил Яковлевич возвращался к разговору об основах поэтического и вообще художественного творчества. И дальше – как естественное продолжение своих пояснений – Маршак предлагает нам послушать варианты четверостишья, которое вошло затем в сборник в таком виде:

Питает жизнь ключом своим искусство.

⁷⁾ С. Маршак. Лирические эпиграммы. - М.- СПб, 1965

⁸⁾ В 1996 году стереотипное переиздание этого сборника сделал Александр Иммануэлевич Маршак, работающий над архивом Самуила Яковлевича.

*Другой твой ключ – поэзия сама.
Заглох один, – в стихах не стало чувства,
Забыт другой, – строка твоя нема ⁷.*

В другой раз в разговоре о творчестве А.С. Пушкина, Маршак замечает:
«Вы обращали внимание, что Пушкин помещает небо в верхнюю строчку, а море – в нижнюю:

*В синем небе звёзды блещут,
В синем море волны хлещут;*

*и дальше опять:
Туча по небу идёт,
Бочка по морю плывёт.”*

«Я не думаю, – продолжает Маршак, – что это сделано специально, скорее всего – это гениальная интуиция». И, улыбнувшись, читает своё:

*– Пусть будет небом верхняя строка,
А во второй клубятся облака,
На нижнюю сквозь третью
дождик льётся,
И ловит капли детская рука.*

В одном из разговоров о бережном отношении к людям, к товарищам, к родным Самуил Яковлевич как бы подытоживает сказанное:

*– Мы принимаем всё, что получаем,
За медную монету, а потом –
Порою поздно – пробу различаем
На ободке чеканно-золотом.*

А вот, сидя после ужина в глубине полутёмной лоджии, Маршак смотрит в освещённый луной южный парк, откуда доносится стрекотанье цикад, и после недолгого молчания, отведя в сторону руку с сигаретой, произносит:

*– Как быстро палящее солнце зашло,
Исчезло в морской глубине,
Оставив безоблачной ночи тепло
И свет приглушённый – луне ⁷.*

Есть в этом сборнике среди других тема жизни и смерти; эта же тема в ином, несколько необычном ключе прозвучала и в посмертно опубликованном четверостишье (Новый мир, № 9, 1964, стр. 44–48), найденном на письменном столе поэта его сыном Иммануэлем Самойловичем:

*Не надо мне ни слёз, ни бледных роз, –
Я и при жизни видел их немало.
И ничего я в землю не унёс,
Что на земле живым принадлежало.*

Для меня это четверостишие прозвучало в то время как бы заключительным аккордом к сборнику: Маршак откликнулся и на собственную кончину. И только в следующий миг меня поразила нелепость мелькнувшей мысли...

Маршак не хотел траурной тяжести для близких. По его завещанию в день похорон в его квартире звучали записи любимых им шотландских песен...

Всякий раз, когда я перечитываю или вспоминаю четверостишья сборника «Лирические эпиграммы», перед глазами неизменно встают теплые ялтинские вечера тех лет, лоджия в комнате Самуила Яковлевича в Доме творчества, заставленная лёгкими соломенными креслами вокруг плетёного стола, и долгие беседы.

Несмотря на свою невероятную занятость и частые недомогания, Самуил Яковлевич охотно вёл эти беседы, будь то широкая аудитория, круг друзей или родственники. Глубина и разносторонность таких бесед свидетельствовали, как мне кажется, о том, что Маршак понимал, насколько они важны, в частности, для воспитания литературного вкуса слушающих. Эти беседы я бы назвал школой поэзии.

Вот, например, читая нам переводы из В. Блейка, над которыми, как известно, Маршак работал практически всю жизнь, он говорил: «Знаете, чем меня привлекает Блейк, чем по-моему он прежде всего близок нам – своей поразительной диалектичностью восприятия. Из наших поэтов позднего времени, пожалуй, ближе всех к нему Блок. И потом, Блейк заставляет думать, а это очень важно и, к сожалению, бывает не так уж часто».

Самуил Яковлевич снова и снова обращался за примерами к поэзии А.С.Пушкина: «Вслушайтесь в пушкинские строчки:

*И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился*

Слышите, какое гениальное найдено слово – *ше – сти – кры – лый*, – оно создаёт иллюзию настоящего препятствия!».

У меня создавалось впечатление, что Самуил Яковлевич просто знает наизусть всю мировую или, по крайней мере, русскую поэзию, с таким энтузиазмом цитировал он огромные куски из произведений самых разных поэтов, вспоминал их же черновые варианты, сопоставлял, сравнивал, пояснял.

«Знаете, у меня есть строчка, подсказанная Твардовским. Помните: – Как вежлив ты в покое и в тепле^{*)}... Мне никак не давалась последняя строка, всё казалось – слабо. Я с досады пожаловался Александру Трифоновичу, и он тут же произнёс: «... или в толпе у керосинной лавки». Вообще, это обычное явление – и у Твардовского тоже есть строчки, подсказанные мною, и у Саши Чёрного».

После этого разговор переходил в увлекательный рассказ о сатирической поэзии, о том какой это интересный и трудный жанр, каким мастером этого жанра был Саша Чёрный, о дружбе с Сашей Чёрным, с Михаилом Зощенко.

Особенно горячо Самуил Яковлевич говорил о молодых поэтах. Неудачи или промахи своих любимцев переживал тяжело. Как-то в ялтинском Доме творчества он читал вслух новое стихотворение Новеллы Матвеевой, которое она показывала ему раньше.

Я не помню, было ли оно в свежем номере журнала или в письме, присланном поэтессой.

Дочитав до конца, он откинулся в кресле со вздохом досады – «Ох, зачем же она испортила такое стихотворение?!». Мы, не знавшие первого варианта, не сразу поняли, в чем дело. Оказалось, что поэтесса заменила в последней строфе строку или несколько слов. И тут же Маршак стал вспоминать, как стихотворение А.С. Пушкина было испорчено уже в наше время издателем, заменившим последнюю строку, взяв ее из пушкинского черновика. «Как можно было так делать! Ведь недаром Пушкин оставил этот вариант именно в черновике!».

С.Я. Маршак постоянно заботился о ком-либо из своих учеников или друзей: советовал, помогал подготовить или отстоять публикацию.

К себе внимания он не ждал и не искал. Поэтому проявление такого внимания всегда глубоко трогало его.

Вспоминаю последний приезд Самуила Яковлевича в Ленинград. Это было в 1957 году – в конце ноября или в декабре. Самуила Яковлевича давно ждали – он был приглашён ленинградскими писателями по случаю своего семидесятилетия. Ему забронировали удобный номер в Европейской гостинице. В Доме писателей имени В.В. Маяковского был устроен в его честь вечер.

Меня попросили поехать за Самуилом Яковлевичем в гостиницу и привезти на вечер. Видимо, он начал уже по-стариковски немного волноваться, что придется ехать одному с незнакомым шофёром, и поэтому был рад моему появлению. Однако, в следующую минуту лицо его сделалось

^{*)} Как вежлив ты в покое и в тепле...
Но будешь ли таким во время давки
На повреждённом бурей корабле,
Или в толпе у керосинной лавки.

озабоченным: пора было ехать, встречаться с друзьями, с учениками, а он был и без того взволнован и встревожен встречей с городом, в который не приезжал почти двадцать лет.

В машине он поминутно спрашивал, где мы едем, подчас не сразу узнавая места. Улицы он называл по-старинному. Я попросил шофёра проехать по Невскому и по набережной. «Скажи, милый, а Невский больше не переименовали?» – с тревогой в голосе спрашивал Самуил Яковлевич. И, едва успев успокоиться, уже боялся пропустить знакомые места: «Это мы у Большой Морской остановились?» Здание Дома книги, где под его руководством работала редакция ДЕТГИЗа, Главный штаб, Зимний Дворец, Троицкий (как он называл) мост – всё это вызывало у него приятные воспоминания; чувствовалось, что в этот момент он был дома – старый ленинградец, волею судьбы переселившийся в Москву.

В зале Дома писателей Самуила Яковлевича, усадив на сцене, долго приветствовали аплодисментами, потом по очереди выходили к трибуне с добрыми, тёплыми словами.

Один из учеников и соратников Самуила Яковлевича – драматург Евгений Львович Шварц – был тяжело болен, но, несмотря на строжайшее предписание врачей лежать в полном покое, в тот день утром записал на плёнку очень тёплое приветствие, которое по его просьбе было воспроизведено в зале, где чествовали юбиляра.

Самуила Яковлевича поздравили «Двенадцать месяцев» – актёры Ленинградского ТЮЗа вместе с А.А. Брянцевым, романсы на сонеты Шекспира исполнил Ефрем Флакс...

Наконец, руководивший вечером поэт Александр Прокофьев представил слово юбиляру. Маршак поднялся на трибуну и, произнеся сдвоенно: «Дорогие товарищи!», закашлялся, стал наливать воду из графина, боясь, что заметят выступившие слёзы. Родной ему город, встреча с близкими людьми, фейерверк внимания со стороны этих людей – всё это глубоко растрогало и взволновало Самуила Яковлевича. И долго ещё голос его дрожал, пока он не начал читать свои новые стихи и переводы...

В последние годы жизни С.Я. Маршак работал особенно много. Совершенно больной, обессиленный болезнями, он часто повторял, что обязан успеть еще много.

Два последних лета 62-го и 63-го годов Самуил Яковлевич провёл в Крыму – в Тессели и Ялте. Часто во время бесед, которые возникали за завтраком, обедом или ужином, он вдруг прерывал разговор, вспомнив об отложенной работе. Лицо его делалось сосредоточенным. С усилием, опираясь на ручку кресла и палку, он вставал и с неожиданной стремительностью направлялся в кабинет. В работу, как и раньше, он погружался молниеносно, и уже через минуту его невозможно было оторвать от неё.

Его последними крупными произведениями, которые он непременно хотел успеть закончить и закончил, были сборник «Лирические эпиграммы», переводы из Вильяма Блейка – плод полувекового труда, и пьеса «Умные

вещи», начатая еще в 22-23 годах. Эта пьеса впервые появилась в журнале «Юность» в одном номере с некрологом о смерти писателя.

А. Рейшахрит

г.г. Ленинград, Воркута, 1977, 1986, 2002 г. г.

«Зарисовки» из воспоминаний самого С.Я. Маршака

*

Самуил Яковлевич Маршак начал издаваться ещё до революции у известного в то время петербургского издателя Клячко.

Клячко был так популярен, что его слава дошла до его родных мест, до города Вильны. Его земляки были уверены, что процветающий в Столице издатель может всё. Доходило до курьёзов.

– Помогите устроить моего сына в Университет!

– Хорошо, пишите прошение: «Виленскому мещанину Клячко от виленского мещанина такого-то. Прошу принять сына в Императорский Университет».

*

Для первого издания стихов Самуила Яковлевича потребовалось выбрать кроме всего прочего и художника-иллюстратора. Клячко спросил Маршака, когда тот пришёл к нему, кого бы он сам хотел видеть в качестве художника своей книжки.

Маршак растерялся: он не был готов к такому вопросу. Его рассеянный озадаченный взгляд остановила выразительная иллюстрация, валявшаяся на полу среди «отходов производства» издательской работы.

– Вот этого художника! – вдруг решительно ответил Маршак, не зная в тот момент ни фамилии, ни личности своего избранника.

Клячко мгновенно согласился. Этим художником оказался Владимир Васильевич Лебедев, который стал затем не только одним из «пожизненных» иллюстраторов детских произведений Маршака, но и близким другом до конца дней. Их дружба и сотрудничество продолжались полвека.

В самом начале дружеского сотрудничества Маршака с издателем Клячко после выхода в свет первой книги Самуила Яковлевича ехали они как-то вдвоём на извозчике.

– Хочешь проверим, насколько ты стал известным, – спросил Клячко и обратился к извозчику, – послушай, братец, ты Маршака знаешь?

– Чаво-сь? – обернулся, приложив ладонь к уху и озадаченно нахмурившись, возница.

Тогда настала очередь Маршака.

– Скажи, голубчик, а ты Клячку знаешь?

– А как же?! Вот же она! – облегчённо оборотился возчик к своей кобыле.

1997, 2002 г.г. Воркута

МАРШАК И ТОЛСТОЙ

А.Л. Рейшахрит

Осмелюсь предложить читателю любопытные, на мой взгляд, параллели между семьёй Самуила Яковлевича Маршака и Алексея Николаевича Толстого.

В довоенные тридцатые годы они оба руководили редакциями, размещавшимися в здании Дома Книги на Невском проспекте. Естественно, мне незнаком этот период; совсем немного, мельком, его коснулся Ираклий Луарсабович Андроников в своём устном рассказе о Самуиле Яковлевиче Маршаке. Мы не будем повторять или тем более цитировать Ираклия Луарсабовича, всё это можно найти на граммофонных пластинках и в сочинениях И. Андроникова.

Мне же интересней проследить последующие поколения и те эпизоды, которые уже ушли в историю минувшего XX века.

Сын Самуила Яковлевича, Иммануэль Самойлович, как и старший сын Алексея Николаевича, Никита Алексеевич, оба учились на физическом факультете Ленинградского Университета, окончили его перед войной, а затем работали, отдавая свои знания и юношескую фантазию на благо фронта для защиты и освобождения страны. После войны они стали известными каждый в своей области - Иммануэль Самойлович в разработке импульсных источников света: в своё время были широко известны его лампы «Сириус» - одна такая лампа освещала всю площадь у трёх вокзалов в Москве или же часть территории ВДНХ, а авиаторы до сих пор называют лампочками Маршака «мигалки» на самолётах гражданской авиации, укрепленные на «хребте» и под «брюхом» фюзеляжа.

Никита Алексеевич известен своими разработками в области спектроскопии, активным участием в создании университетского и научного центра в Иордании (по линии ЮНЕСКО в 70-е годы), и уж безусловно как профессор физического факультета Ленинградского университета. Мне посчастливилось слушать его лекции в начале 80-х годов на факультете повышения квалификации преподавателей физики технических вузов. До сих пор хорошо помню его непринуждённую манеру беседы старшего доброжелательного товарища.

К слову, своим выбором физического факультета я обязан двум людям моему школьному учителю Борису Сергеевичу Кочеткову, строгому, но очень душевному и справедливому педагогу, и моему дядюшке Иммануэлю Самойловичу Маршаку. Именно он окончательно развеял все мои сомнения в выборе будущей специальности. Он же сыграл решающую роль в выборе места моей работы по окончании университета - Государственный Оптический институт имени С.И. Вавилова, в котором у него работали коллеги-единомышленники. Это был знаменитый в то время не только на всю страну, но и, пожалуй, несмотря на закрытость, на весь научный мир центр серьёзных и глубоких исследований, где существовали свои научные школы, где работали в то время и известные академики, и другие учёные, знаменитые своими трудами, прекрасные, обаятельные люди, разносторонние, остроумные, готовые позаботиться о новой «научной поросли», только что вышедшей из университета.

ГОИ - так сокращённо именовался наш институт - имел тесные связи с физическим факультетом Ленинградского университета, да и со многими научными учреждениями не только в Ленинграде. Достаточно сказать, что именно в ГОИ защищал свою докторскую диссертацию Иммануэль Самойлович Маршак, а в Учёный Совет по защите докторских диссертаций, возглавляемый профессором Алексеем Михайловичем Бонч-Бруевичем, входил среди прочих специалистов и профессор Никита Алексеевич Толстой, совмещавший свою исследовательскую работу в ГОИ, в лаборатории члена-корреспондента Академии Наук Петра Петровича Феофилова, с преподаванием на физическом факультете Ленинградского университета.

Пожалуй с этого места нашего повествования и начинается переход от просто параллелей между семьями С.Я. Маршака и А.Н. Толстого к историям, связанным с их потомками.

Справедливости ради надо сказать, что между Самуилом Яковлевичем и Алексеем Николаевичем не было очень уж близкого знакомства, как и тем более дружбы. Они почитали друг друга как известные литераторы, их редакции, как я уже говорил, располагались одна возле другой, но и только. Не было близкого знакомства и между их сыновьями - Иммануэлем Самойловичем и Никитой Алексеевичем, хотя они оба примерно в одно время заканчивали физический факультет Ленинградского университета. Однако следующее поколение оказалось совершенно неожиданно знакомо ближе друг с другом.

Мы оказались со старшим сыном Никиты Алексеевича - Михаилом - на соседних курсах физического факультета - он учился курсом старше. Начав студентом кафедры теоретической физики, Миша вскоре перешёл на одну из оптических кафедр и заканчивал университет уже как физик-спектроскопист. Он окончил кафедру молекулярной спектроскопии и люминесценции, которой руководил в то время профессор Владимир Михайлович Чулановский, изумительно скромный человек, если учесть, что он был очень известен и почитаем в широких университетских кругах тех лет.

Моя же специализация по «радиоспектроскопии» проходила на кафедре радиофизики у учеников, соратников и последователей замечательно талантливого, известного в те времена, но рано ушедшего от нас вследствие неудачной медицинской операции, Фёдора Ивановича Скрипова.

Несмотря на разные кафедры физического факультета университета, мы оба, и Михаил, и я, один за другим оказались в стенах ГОИ - меня туда «подтолкнул» мой дядюшка Иммануэль Самойлович Маршак, а Михаил годом раньше естественным образом пошёл по стопам отца, Никиты Алексеевича Толстого, попав в знаменитую по своим традициям серьёзной спектроскопической школы лабораторию члена-корреспондента Академии Наук Петра Петровича Феофилова. Для завершения картины следует сказать, что эта лаборатория входила в то время в состав научного отдела, который возглавлял коллега как Иммануэля Самойловича, так и Никиты Алексеевича, профессор Алексей Михайлович Бонч-Бруевич, упоминавшийся уже в нашем рассказе.

Меня же после некоторых колебаний между лабораториями академика Александра Николаевича Теренина и профессора Владимира Владимировича Варгина, направили на работу в последнюю, в частности потому, что там работали с методиками электронного парамагнитного резонанса, соответствующими тем специализациям, по которым я должен был выпускаться со своей кафедры (выпускную дипломную работу по согласованию с руководством моей кафедры я выполнял в огромной

многопрофильной лаборатории ГОИ, руководимой замечательным учёным, профессором Владимиром Владимировичем Варгинным).

Практически сразу после окончания университета, оставаясь в той же лаборатории, я переключился на оптические спектроскопические исследования, что оказалось близким к исследованиям Михаила Толстого; и хотя мы и работали с ним в разных лабораториях, близость тематик оказалась решающей. Поэтому вскоре мы стали работать вместе: Миша согласился помочь мне в исследованиях, разрешил воспользоваться аппаратурой, позволявшей проводить измерения при температуре жидкого азота, а также и жидкого гелия, что, как известно специалистам, составляет всего 4,2 по шкале Кельвина, то есть совсем близко к так называемому абсолютному нулю температуры. Надо сказать, что эти исследования мы проводили в лаборатории криогенной станции ГОИ, находившейся в те годы на Карельском перешейке, в живописном месте севернее Ленинграда, на берегу озера Каннельярви, тогда носившего название Нахимовское.

В течение ряда лет совместной работы в этой лаборатории при криогенной станции мы подружились, и даже последующая, длившаяся почти десять лет, взаимоподчинённая работа - Михаил возглавлял лабораторию, а я был его заместителем - не только не повредили нашей дружбе, как иногда бывает вследствие формальных административных взаимоотношений, но даже укрепили её. И позже, после 80-го года, года моего переезда в Воркуту на преподавательскую работу в горный институт^{*)}, да и до сих пор мы не прерываем этой дружбы и частенько встречаемся во время моих появлений в Санкт-Петербурге^{**)}.

Сейчас же я в своём рассказе возвращаюсь к концу шестидесятых - началу семидесятых годов прошлого уже XX века.

В те годы мой двоюродный брат Саша Маршак, младший сын Иммануэля Самойловича, тогда только что закончивший школу, (сегодня Александр Иммануэлевич занимается работой над архивом С.Я. Маршака), был отправлен из Москвы в Ленинград на учёбу в Ленинградский инженерно-строительный институт (ЛИСИ). Жил он у моих родителей, при этом у нас в семье считалось, что он прислан «на перевоспитание».

Меня же в те годы гораздо больше волновали не причины, якобы приведшие его в Питер, а то, что я мог чаще видеться с одним из своих любимых братьев.

^{*)} Воркутинский горный институт является филиалом Санкт-Петербургского государственного горного института, старейшего технического вуза России, учреждённого еще Екатериной Второй в 1773 году.

^{**)} Михаил Никитич Толстой, доктор физико-математических наук, профессор, депутат Законодательного Собрания Санкт-Петербурга, по-прежнему сотрудничает с Государственным Оптическим институтом.

В силу особенностей моей тогдашней «загородной» работы мы и летом жили с семьёй в посёлочке при лаборатории и криогенной станции Место и в самом деле дивное - среди смешанного, преимущественно хвойного, леса, на берегу огромного озера. Старший мой сын, Денис, был тогда совсем маленький, так что для него это было благо, а для меня - тем более, поскольку я мог и во время лета не отрываться от своей аспирантской работы, которая шла успешно и грозила вскоре не менее успешным окончанием.

По выходным нас навещали мои родители, с ними же, естественно, приезжал и Саша Маршак.

Мы были в те годы молоды, и у Миши Толстого, сообразно моде, был мотоцикл – «Ява-350» - и соответствующая экипировка: каска, кожаная куртка и краги.

Вечером того воскресенья я собирался вместе с родителями уезжать в город. У меня не было тогда ещё автомобиля, он появился позже. Потому все мы должны были пройти несколько километров по асфальтированной дороге лесом, где на её выходе на средне-выборгском шоссе находилась остановка маршрутного автобуса Выборг-Ленинград.

Это был период белых ночей, мы отправились с родителями пешком, оставив Сашу Маршака досматривать футбольный матч, транслировавшийся по телевизору. По окончании матча Саша вышел на крыльцо нашей загородной институтской «гостиницы» и обнаружил Мишу Толстого, готовящегося уезжать на заведённом уже мотоцикле.

- Садись, - предложил Миша, и они двинулись по той же дороге к средне-выборгскому шоссе. В это время мы с родителями уже дошли до шоссе и ждали автобуса.

Мотоцикл с обоими ребятами поравнялся с нами и Саша на ходу крикнул:

- Андрей! Я поеду с Мишей до города! Не волнуйтесь!

Мы с родителями и не думали волноваться, поскольку знали, что Миша опытный и осторожный мотоциклист, я много раз ездил с ним на его «коне».

Спустя пару часов, где-то в районе половины первого ночи, когда я уже сидел дома, и мы мирно беседовали с моим тогдашним приятелем Лёшей Кондратьевым, с которым давно не виделись, раздался телефонный звонок и недоверчивый мужской голос спросил:

- Вы знаете таких, Толстого и Маршака?

- Конечно! С ними что-нибудь случилось!?

- Нет-нет, просто у них заклинило двигатель и они заночуют в лесу. - сказал уже более спокойно и доверчиво тот же голос,

- Не беспокойтесь, у них оказалась с собой палатка! - добавил

он.

Мы ещё посидели с приятелем с часок «за рюмкой компота», посмеялись над недоверчивым в начале разговора голосом звонившего, и легли спать.

Наутро приятелю очень не хотелось вставать, и поэтому на мои просьбы подниматься и собираться на работу он какое-то время пытался отговариваться:

- Пока Маршак и Толстой роман не напишут, я не встану!
Отстань!

Вечером того же дня Саша Маршак поведал мне о том, как развивались события в лесу прошедшей ночью. Мотоцикл Миши Толстого действительно заглох среди леса километрах в двадцати от Питера. Покопавшись в двигателе под немыслимое приставание комаров, которых пытался отгонять Саша, Миша оставил эту затею, несмотря на то, что по его же собственному высказыванию мотоцикл Ява устроен как детский конструктор - элементарно разбирается и столь же элементарно собирается. Однако и эта элементарность элементарна до определённого предела, тем более под таким напором агрессивного комарья!

Так или иначе, друзья решили заночевать в лесу, благо тёплая белая ночь не предвещала ничего страшного, да и палатка случайным счастливым образом оказалась с собой. Единственно, что беспокоило Мишу, так это неизвестность, в которой будут пребывать мои родители, не дождавшись к ночи Саши.

Уже около полуночи друзья остановили возвращавшуюся в город машину, и водитель «Волги», везший свою семью с дачи, охотно согласился позвонить по названному телефону из первого же автомата.

- И что передать? Что у вас сломался мотоцикл?

- Да, заклинило двигатель! Скажите, что Толстой и Маршак переночуют в лесу.

При этих словах у водителя «Волги», как говорят «отвалилась челюсть» - он видимо решил, что его разыгрывают.

- Ну, хорошо, - сказал он уже с недоверием, хотя и не отказался выполнить просьбу: в глазах у Михаила было серьёзное выражение, ведь мальчика Сашу будут ждать мои родители и беспокоиться.

С тех пор прошло уже больше тридцати лет.

Раз в год, а то и чаще, я бываю на Новодевичьем кладбище. Проходя вдоль колумбария, где, немного не доходя до могилы А.П. Чехова, захоронен мой дед, Моисей Яковлевич Маршак, а затем, продолжая идти дальше к могиле Самуила Яковлевича и Иммануэля Самойловича, я всякий раз иду и мимо могилы Алексея Николаевича Толстого, которая находится там же, метров двадцати не доходя до могил моих родственников.

Каждый раз я ловлю себя на том, что в этом, казалось бы скорбном, месте мне вспоминается та давняя смешная история, очень напоминающая детские анекдоты, сохранившиеся в памяти класса с пятого или шестого и сильно тогда смешившие нас, мальчишек, и начинавшиеся примерно так: «Пушкин с Лермонтовым бежали через границу...»

2002 год, лето, Франция-Россия

ПОТРЯСЕНИЕ ПЕНЗЫ

А.Л. Рейшахрит

Незадолго до войны, в 1938 году Самуил Яковлевич Маршак с семьёй – женой Софьей Михайловной Маршак (Мильвидской) и младшим сыном Яковом⁹ – переехал в Москву. Старший же, Иммануэль, продолжал учиться на физическом факультете университета в Ленинграде.

На том же курсе или курсом младше училась очаровательная Ниночка Молебнова. В неё-то и влюбился старший сын Самуила Яковлевича. Много позднее я и сам смог убедиться в том, что Нина Михайловна Молебнова – женщина действительно изумительной красоты.

Нина была родом из Пензы, там жили её родители. Пенза в те годы была не слишком большим городом, да к тому же дочку известного преподавателя Пензенского педагогического института Михаила Петровича Молебнова знали все – она по праву считалась самой красивой девушкой города, как теперь бы сказали «мисс Пенза».

Наступили каникулы, не знаю уж зимние или летние. Студенты разъезжались к своим родителям. Иммануэль, или как его звали дома и среди друзей – Элик, – также собирался к родителям в Москву. Ему были оставлены специально деньги на дорогу. Перед отъездом он не мог не проводить Ниночку Молебнову на поезд в Пензу. После чего он ... встретил её с тем же поездом в Пензе, на вокзале, прилетев на самолёте!

На следующий день потрясённая Пенза уже говорила о том, что за их Ниночкой так «красиво» ухаживает сын того самого Маршака.

Историю эту я узнал в детстве от моей бабушки по отцовской линии, Натальи Павловны Рейшахрит (Сердобольской). Дело в том, что и она, и мой дед – Сергей Павлович Рейшахрит, и мой отец, – Лев Сергеевич, все они жили в Пензе, и переехали в Ленинград в 1932 году, убежав от надвигавшихся

⁹ Яков Самойлович Маршак скончался в 1946 году в возрасте 21 года от туберкулёза. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Е. М. Маршак, С. Я. Маршак, Л. Я. Прейс (ур. Маршак)

А. Л. Рейшахрит, С. Я. Маршак, Л. Я. Прейс (ур. Маршак,
она же писательница Елена Ильина)

В своём кабинете
в московской квартире

сталинских репрессий: дед, закончив в 1916 году Московский университет, работал юристом в городском суде в то сложное неоднозначное время. В начале тридцатых в Пензе начались аресты, деду казалось, что над ними, юристами, глумятся тучи – «бомбы» падали всё ближе.

В Пензе остались наши родственники. К тому же, Михаил Петрович Молебнов был одноклассником моего деда по пензенской гимназии. Поэтому весть о таком потрясшем город событии, как встреча Ниночки Молебновой на вокзале молодым человеком, накануне проводившим её в Питере на поезд, быстро разнеслась не только по всей Пензе, но и за её пределы – мои дед с бабушкой в Питере также узнали об этом.

Оказывается, когда ещё до войны мой папа ухаживал за моей мамой и познакомил её со своими родителями, бабушка, узнав, что моя мать – племянница Самуила Яковлевича, сказала ей, что наслышана о её любимом кузене, Элике, и тут же рассказала о том, как тот совсем недавно потряс Пензу. Мне эту историю она рассказала, разумеется, много лет спустя, после войны, когда я мог уже что-то понимать и запоминать.

Дружеские тёплые отношения между Эликом и Ниной сохранились на всю жизнь. Нина Михайловна вышла замуж за астронома Татевоса Артемьевича Агекяна⁹⁾. Их сын, Вадим¹⁰⁾, учился на физическом факультете университета на два года раньше меня, курсом старше Миши Толстого¹¹⁾, затем остался работать на факультете. Мы иногда встречались с ним, пока я работал в Питере, как-то раз Вадим даже приходил в нашу лабораторию в ГОИ, мы «разжились» тогда благодаря его стараниям каким-то высокоразрешающим спектральным прибором, который был очень нужен для исследований, проводившихся под руководством Михаила Толстого¹²⁾ одним из наших ведущих сотрудников.

В 1977 году, после кончины Иммануэля Самойловича, я по просьбе его жены Марии Андреевны Маршак (Ляпуновой) и их сына Саши¹³⁾ отвозил Нине Михайловне Агекян (Молебновой) книги, написанные Иммануэлем Самойловичем. Предварительно созвонившись с ней, я отправился на Охту к ней домой. На лестнице я встретил пожилого мужчину, возвращавшегося с прогулки, который и открыл дверь своим ключом, впустив меня в квартиру.

⁹⁾ Сегодня Татевос Артемьевич Агекян – профессор математико-механического факультета Санкт-Петербургского государственного Университета.

¹⁰⁾ Вадим Агекян работает профессором физического факультета Санкт-Петербургского государственного Университета.

¹¹⁾ Михаил Никитич Толстой, доктор физико-математических наук, профессор, депутат Законодательного Собрания Санкт-Петербурга.

¹²⁾ Александр Иммануэлевич Маршак, младший сын И.С. Маршака, более двадцати пяти лет работает с архивом С.Я. Маршака.

Это и был Михаил Петрович Молебнов, ему было тогда уже годам где-то этак к девяносто, выглядел же он от силы на восемьдесят, если не меньше: живой, общительный, приветливый.

В квартире меня встретила очень красивая дама и пригласила в комнату.

- Папа! Это Андрей, внук твоего одноклассника, его фамилия Рейшахрит.

- А, Серёжки Рейшахрита! Очень приятно познакомиться.

Почти сразу после моего появления он ушёл в свою комнату отдохнуть после прогулки.

Я передал книги Нине Михайловне, мы посидели с ней в гостиной, говорили об Элике, о его семье, о моих родственниках, о Пензе.

Нина Михайловна на вопрос о здоровье её отца ответила «неплохо», и рассказала недавний случай.

Она вернулась из театра после спектакля по пьесе А. Н. Островского (сейчас я не помню названия пьесы).

- Папа спросил, – рассказывала Нина Михайловна, – понравился ли нам спектакль, я ответила, что играли хорошо, но уж больно осовременили пьесу: представь себе – один другого бьёт гитарой по голове!

- Нет-нет, Ниночка, там есть такая ремарка у Островского – возразил мне папа.

- Я не поленилась, – продолжала рассказ Нина Михайловна, - и полезла в шкаф, достала собрание сочинений Островского, нашла пьесу, и вдруг обнаружила ту самую ремарку – *бьёт гитарой по голове!* Так что и с памятью у папы пока, слава Богу, всё в порядке.

Сегодня и Нина Михайловна, и Вадим живут в Санкт-Петербурге, Мария Андреевна Маршак – в Москве, я и вовсе – в Воркуте. К сожалению, мы не поддерживаем очень близких отношений ни с семьёй Нины Михайловны, ни с семьёй Вадима. Иногда разговариваем с ними по телефону. Одно могу сказать точно: тёплые чувства к родственникам Нины Михайловны и к ней самой мы храним по-прежнему, как Маршаки, так и Рейшахриты.

Эту маленькую зарисовку я осмелился предложить читателю в связи с воспоминаниями о Самуиле Яковлевиче прежде всего для того, чтобы подчеркнуть, как удивительно переплелись биографии потомков Самуила Яковлевича Маршака, какие неожиданные прослеживаются параллели с другими семьями.

2002 год, лето, Франция-Россия

В том случае, если у Вас возникнет желание отозваться на эту брошюру, Вы можете, уважаемые читатели, написать по адресу:
169900, Воркута, ул. Ленина, д. 44, Горный институт,
Рейшахриту Андрею Львовичу.

ноябрь 2002 года, Воркута

Сыктывкарский лесной институт (СЛИ)

167610, г. Сыктывкар, ул. Ленина, 39.

Отпечатано в ООП СЛИ

Заказ 164. Тираж 260